Х. КРОТКОВА

БЕЛЫМ ПО ЧЕРНОМУ

НЬЮЙОРК
ПАРИЖ

Х. КРОТКОВА

БЕЛЫМ ПО ЧЕРНОМУ

НЬЮЙОРК
ПАРИЖ

Знаю: телу нужен воздух,
Быта чтит оно закон:
В меру сталь, в меру отдых,
Теплый дом, еда и сон.

Что же дать мне этой темной,
Невнимательной душе,
Непонятной, неуемной,
Замершей настороже?

Потому что все-таки нам надо,
Чтоб хоть кто-нибудь да слышал нас,
Чтоб тоску измученного взгляда
Человеческий бы встретил глаз.

Потому что не для крови свежей
Был задуман первозданный снег.
Потому что хочет правды здешней,
Нескончаемой вовек,
Неприявший злобы, неутешный,
Уязвленный человек.

БАЛЛАДА О МАЯКЕ

— На острове, — не спрашивай, я не отвечу, — там,
на острове,
На диком острове стоял маяк, и свет,
Надежный, честный свет горел всю ночь. Всю ночь
кричали чайки
Над диким светом, рассекавшим честный мрак.

Нет, не перебивай. Всю ночь смотрел матрос,
А ночь была, как день — бессмысленно отчетливой,
И он смотрел всю ночь, всю жизнь в глаза вложив,
На этот честный, чистый, четкий свет,
Идущий, понимаешь? — прямо к сердцу

Из где-то медлящей страны обетованной:
С лесного, дикого, заброшенного острова,
С забытого, пустого маяка.

Еще один официальный день,
Еще одна неизданная ночь, —
Все тот же испещренный черновик.

Свой собственный неузнанный двойник,
Сквозь беды, неприкаянная тень,
Я, спотыкаясь, рвусь подальше, прочь.

Не знаю, что себе и пожелать —
Землетрясенья, подвига, вериг
Иль попросту шальной автомобиль.

Иль воздуха, спокойствия. Любви-ль.
А, может быть, достаточно стоять
И долго слушать в парке детский крик.

С своим отчаяньем, с своей бессонницей
Каждый как-то справляется:
Кто может — уходит, кто может — сторонится,
Кто — в прятки с собой играется.

Протяжное утро дорогой невзрачною
Клубится, туманится, стелется.
Бредут по ней сонные, тихие, жвачные,
Зевают, крестятся, бреются.

Кому ты нужен,
Мой бедный пес?
Шершав снаружи,
Внутри бескост.

До ласки падкий,
Тоской не зли,
Не стой на лапках
И не скули.

Случайно гладит
Судьбы рука,
Лишь скуки ради —
Слегка, слегка.

Не вой на стуже,
Не тычь свой нос.
Кому ты нужен,
Мой бедный пес?

Горький воздух, жесткий и нелепый,
Горла поперек встает комком.
Из камней, мне поданных на просьбу хлеба,
Я могла-б построить дом.

Все-ж стою, и жду, глаза потупив,
Чтобы спрятать их голодный блеск.
Люди беспощадны, жестоки и скупы,
И умеют обходиться без чудес.

Но еще жесточе в каждоночном мраке
Вопросительная мается тоска.
И в который раз, в котором страхе
Вновь протянута рука.

Зачем:

не как орех, не твердой скорлупой,
А беззащитной мякотью наружу?
Бросаясь в омут прямо головой,
Свое прекраснодушье я нарушу.

Самоучитель жизненной борьбы
Я прохожу подряд, за словом слово.
Заданье — отстреляться. Цель — рабы
Да будут полноправны в мире новом.

Вцепляюсь в сталь надежных аксиом,
В железо и бетон логичных построений,
Беру за бастионом бастион,
Ловлю за откровеньем откровенье.

Кусаются? Кусайся. Жалят? Жаль.
Борись за хлеб, за право на улыбку,
На жалость, на раздумье, на печаль,
За право на усталость и ошибку.

Самоучитель правильно сказал:
— Меняй свое мгновение на вечность.
Рази врага! Наотмашь! Наповал!
За духолюбие! За человечность!

ПАМЯТИ ПОЭТА В. КОЗЛОВСКОГО

Я не знаю, где ты прожил детство —
За Уралом или на Десне,
Где ты принял русское наследство,
Придружился к северной весне.

Но за годы жизни на чужбине
Ты к чужому слову не привык.
Громче с каждой новой годовщиной
Крови предков слышал ты язык.

И вдали от керженских просторов
Проходил бесплодно день за днем
В бесконечных шумных разговорах,
В молчаливых думах о своем.

Вырванное с корнем поколенье!
Умерло, рожденное без слов,
Все неповторимое волненье
Лучших, ненаписанных стихов.

СУМАСШЕДШИЙ МУЗЫКАНТ

Сошедший с ума музыкант
Все ищет замолкшую музыку.
Она затерялась,
Ее невозможно найти.

С растущей тревогой
Он бродит один по улицам,
Подолгу стоит на углах,
Не зная, куда повернуть,
Как перейти.

Рассеянный, растерявшийся,
Не может найти себе места.
Он нюхает ноты,
Он трогает струны.
У пыльного стоя окна, —

Откуда единственный вид
На крыши Парижа, —
Барабанит в тоске по стеклу.

Она, ведь, была,
Вот здесь, в этой комнате.

Заглядывает под кровать,
Достает записную книжку,
Просматривает адреса.
Удивительно. Непонятно.
Он знает прекрасно:
Она ведь...

Осторожно подкравшись,
Он смотрит в спокойное зеркало.
Нет, это не музыка,
Это просто небритая морда.

— Будьте добры,
Как мне пройти к вокзалу? —
Он церемонно

Приподнимает помятую шляпу
(Она висит неподвижно
На вешалке, у дверей).

— Благодарю вас.
Отрежьте мне фунт колбасы
И полфунта Чайковского. —

Часы безумно спешат,
На них без пяти двенадцать,
Он должен бежать.

Он должен найти убежавшую музыку,
Он просто не может без этого жить.
Он места себе не находит,
Он ходит и ищет.

Он потерял свою музыку,
Он просто не может жить.
(Как будто для этого
Надо сойти с ума).

Ты тоже из таких — из одиноких,
Задумавшихся тяжко над собой,
Из несогласных, диких, однобоких,
Чья жизнь — раздумья медленный запой.

Из меченных несчастьем, неумелых,
И неумеющих, и нехотящих жить,
Из уязвленных знаньем, онемелых
И научившихся лишь одному — щадить.

Помочь нельзя. Дай руку мне, — и страстно,
И с исступленным вдохновеньем лги:
— Жизнь платит явные свои долги!
— Смерть не разлучит нас! Любовь прекрасна!

Я поздней осени люблю голубоокость,
Ее рассеянность, ее жестокость,

Ее боязнь сантиментальных драм
И откровенный холод по утрам.

Ничем не соблазнив, поблек багрянец щедрый,
Ни в чем не убедив, смирились, стихли ветры.

Осталась только голая фактичность —
Над схемой рощ заката лаконичность.

В уже ненужной роскоши убранства
Лежат опустошенные пространства,

Одухотворены и преображены
Заслуженным покоем тишины.

Солнце печет, а в тени свежо.
Ждать хорошо, и не ждать хорошо.

Весело мчаться в шумной погоне —
— Я догоню, или он догонит? —
Солнце печет, а в тени свежо.

Весело мчаться в шумной погоне,
Но у окошка сидеть — спокойней.

Ждать хорошо, и не ждать хорошо.

Потеряно любимое кольцо,
Грустит рука, и пальцы заскучали.
Сучится нитка, в лад твоей печали,
Стучит, мелькает, ходит колесо.

Не лес, а сад. Не звезды — светлячки.
Разумно трудится доверчивая юность.
Спокойный дом, добротная уютность,
За печкой домовитые сверчки.

Есть где-то мир, где нет еще грозы,
Где взгляд любуясь медлит над фиалкой,
Где Делия, стыдясь своей слезы,
Старательно склоняется над прялкой.

За радость вашу и нашу,
За то, чтоб смеялись дети,
За лучшую жизнь на свете
Подымем тяжелую чашу.

Быть может, садов цветенье
Ни вы и ни мы не увидим,
Но живо встает их виденье
Назло незабытой обиде.
Быть может, и птиц веселых
Ни вам и ни нам не услышать
И не видать, как в селах
Достроят новые крыши.

Но в память погибшую нашу
Когда-нибудь, через столетье,
Чужие счастливые дети
Поднимут ответную чашу.

— Ты видел свет? Пески и льдины,
Стокгольм, Венецию, Афины?
Ты знаешь дали и простор? —

— Нет, я ведь здешний, до сих пор
Не покидал родной долины,
Не покидал знакомых гор,
И даже, правду говоря,
Совсем и нет к тому охоты.
А ты-то, знаешь наш трактир,
Где мы танцуем по субботам? —

— Нет, друг, и, правду говоря,
Совсем и нет к тому охоты.
Ну, мне пора. Цейлон, Памир,
Париж. Нью-Иорк. Мельбурн. Весь мир.

МАЛО!

Посвящается маме.

Я задумала связать
Преинтересный свитер,
Как никто не вязал,
Как никто не видел.

Чтобы спереди узор,
Пестрый весь, в цветочках,
Чтобы ворот до сих пор,
В сборочку и строчку,
С белой оторочкой.

Вот такие рукава,
Кармашки вот такие,
Чтобы стороны — без шва,
Плечи — накладные.

На узор, чтоб был он нов,
Шерсти возьму я трех цветов:
— Оранжевой, пунцовой, черной,
Желтой и кирпичной,
Фиолетовой, зеленой,
Синей и коричневой.

Нет, вижу, надо запастись
Шерстью самой разной —
Без голубой не обойтись,
Нельзя и без красной.

Чтобы дать переливы
И узор занятный,
Чтобы вышло красиво
И носить приятно, —

Я бы так сказала:
— Трех цветов мне мало!

ПОДРАЖАНИЕ КИТАЙСКОМУ

I

Веселой походкой
Иду я по улицам людным,

С поклоном, улыбкой
На каждый вопрос отвечаю.

В бамбуковой роще
От ветра тревожно и шумно.

Лишь дуб одинокий и сильный
Молчанья достоин.

II

Ты построишь красивый дворец
Или мудрую книгу напишешь —

За труды своих рук и ума
Принимаешь охотно награду.

Нет цены только щедрости духа,
Только жалости счет незнаком,
Только сердцу награды не надо.

III

Покидаю тихий остров,
Где я год прожил в раздумье.

Через озеро большое
В лодке к берегу плыву.

Оглянувшись напоследок,
Опускаю руку в воду,
Чтобы память о прохладе
В душный город увезти.

ОТВЕТ НА АНКЕТУ

Казенный конверт голубей, чем весна,
В углу — печати звезда.
Почему-то вдруг захотели узнать,
Кто я, зачем и куда.

Я тронут, что участь моя тревожит
Совсем посторонних людей.
Быть может, неправда, что не поможет
В беде никто и нигде.

И я с незнакомцами издалека
Готов завязать контакт.
Хватаю перо, и быстро рука
Наносит за знаком знак.

— Кто я? — Упорный, настойчивый дух,
Весь этот мир созидающий сызнова.
Мысль и вниманье, зренье и слух,
Неукротимый, чужой, непризнанный.

— Где я живу? — В фантастическом мире,
Где люди — камни, а камни — живые.
Мир с каждым днем все страшней и шире.
Камни кричат, а люди — немые.

— Чем я живу? — Усмешкой: тщись,
Особь, себя утвердить нерушимо.
— Чем я живу? — Улыбкой: жизнь —
Невероятно, но — выносима.

Материнский взгляд надежен,
И не глядя он глядит.
У отца глаза построже, —
Смотрит, что там впереди.

Сын знакомится со светом
У знакомого крыльца.
А не знает, как же это? —
Оглянется на отца.

Ошибется, ушибется, —
Ничего, утешит мать.
А отец к сынку нагнется
И покажет, как играть,
Как ступать и поступать.

Подрастает, вырастает
Сын, похожий на отца.
Сын
  на плечах отца
Выше
  отца.

ЛЕТЧИК

Рычал мотор, гоним твоим упорством,
И самолет вгрызался в облака.
Послушные, внизу скользили версты,
И новые текли издалека.

Рука легла на руль легко и властно.
Железный шлем стальной сжимает лоб.
Навстречу обезумевшим пространствам
Мотор кидает свой победный вопль.

То падающий лист, то меч, разящий грудь,
Однообразно, медленно и жутко
Он мертвою петлею чертит в небе путь,
Как коршун кружится, а падает голубкой.

...Спокойный холодок уверенного взгляда,
Привыкшего впиваться в высоту,
Я узнаю: им ничего не надо,
Такие умирают на посту.

О, жены бедные, о, матери в слезах,
Оставьте их лететь судьбе навстречу.
Игры таких не остановит страх,
Таким нельзя мешать или перечить.

С порога опустевшего, рукой
Прикрыв глаза от режущего солнца,
Глядите вслед летящим высоко,
Рожденным добиваться и бороться.

Верю в деревья. Они растут,
У них есть листья и корни.
Весной они хорошеют в цвету,
Холода выжидают упорно.

Но верю я также и в облака —
Они легки и летучи.
Они играют и шутят, пока
Не вырастают в тучи.

Одним доля: жить большой семьей,
Жизнью жить простой в кругу людей,
А другим судьба: весь путь земной —
Поединок с совестью своей.

Душно корню, горько корню в почве сухой
Пробираться, пробиваться, ползти.
Трудно ветви раздвигать перед собой,
Первому вперед итти без пути.

Ветер осенью разнес семена.
Семя взбухшее сильней, чем динамит.
И опять за зимой идет весна
И прошедшее с будущим роднит.

Вырастет новая сосна,
Небу зашумит.

ПОЭТ

Народ кричит о бедствиях, о хлебе,
Его волнует дневная судьба, —
Поэт молчит. Какой прекрасный жребий!
Поэт поет — безмолвствует толпа.

И что прекрасней, впрямь, чем жизнь поэта,
Его проворный и бесцельный шаг,
Взлетающая ввысь по воле ветра
Оторванная легкая душа.

И жаркий груз любви в пустую легкость песни
Он претворит, в видения — любовь,
При жизни вознесется и воскреснет
Он, проходя сквозь свой земной покров.

Он знает дни: вот суета потухла,
И свет в очах, и звуки полнят слух.
Смиряет дух и преклоняет ухо,
И первозданный узнает испуг.

Неумолкаемый раскат органа
Могучим дуновеньем мир покрыл,
Все ближе свет, все явственней осанна,
Все резче муки вдруг проросших крыл.

И вдруг, прозрев, он узнает — пронзенный
Огромным светом, уходящий ввысь
Свой мир земной, но одухотворенный,
И несть болезнь, и несть печаль, но жизнь.

СТИХИ

Привычная святость восторга,
Бесчинный и вечный покой.
Тебе ли не платят дорого,
О, муза, за голос твой?

И в бессмертных своих ожиданьях
Жарки дни и бесславно тихи.
Как молитвы, как заклинанья,
Повторяю, зову стихи.

Но порою бывают мгновенья, —
Их безумья не в силах обнять, —
То измена иль откровение, —
Не хочу и не смею понять,

Но в стихах неприступно прекрасных,
Что в молитве твержу наизусть,
Слышу запах горелого мяса,
Чую крови соленый вкус.

ИСКУССТВО

Забрела в цветник корова,
Смотрит тупо и сурово.
А на клумбе, как эмблемы,
Гиацинты, хризантемы.

Шевельнув хвостом, без слова
Побрела домой корова.
А на клумбе, важны, немы,
Гиацинты, хризантемы.

О, для чего ты крепко, тело человека!
Гамлет.

Кружатся ангельские дни
В неумолимом совершенстве,
И жизнь, прекрасная по-женски,
Поет вдали: — Повремени... —

Невероятная любовь!
Всегда одна, всегда все та же.
Судьба когда-нибудь расскажет
Про нашу страсть, про нашу кровь.

О, бесконечна счастья нить,
И крепко тело человека,
И может, смертное, вместить
Любовь, бессмертную от века.

Рассветный бред мятущихся созвездий
В глуби души рождает дальний звон.
И первый стон — сереброкрылый вестник
Венца моей любви — мой первый стон.

Влюбленных взглядов гибкое сплетенье,
Но лунный парус в небе одинок.
О, звезд передрассветное томленье,
Ночной тоски певучее звено!

Рассветный бред мятущихся созвездий
В моей душе тревожит острый сон.
Прощаю боль безумно нежной мести,
Я приняла ее, звучит мой первый стон.

БЛАЖЕНСТВО

Даль туманится утром и небом,
И душа пробудилась небесной.
Каждый день возвращается бездна,
Сердце вечно блаженно и немо.

Эта жизнь — для меня, для тебя ли?
Не огромная-ль сонная жалость
Неожиданно нам примечталась
В ненасытной блаженной печали?

И когда мы сияем глазами
И внезапно вдвоем умираем, —
Залетая, взлетая, слетая, —
Звездный дождь над блаженными нами.

О, навстречу слепому восторгу!
Руки вскинув и тяжко внимая
Хвойный посвист, что рати сгоняет
На ночную пустую дорогу.

Мы под диким и сумрачным небом
Мечем души, блаженно теряя,
И прекрасный закат обагряет
Нашей страсти белеющий слепок.

Цепляясь в облаках, шатается, бледна,
Безумная цыганская луна

И смотрит исступленно, как в бреду,
В огромную ночную темноту.

К холодному стеклу горячая щека,
В забывшейся руке забытая рука,

И в тишину, в бессмертие — в упор
Твой пристальный, твой устремленный взор.

Предутренняя вкрадчивая весть
Отяжелевший оживляет лес,

Где соловьиным голосом, под небеса,
Кричит великолепная весна.

Ты от меня улетишь, как осенняя птица —
Надо, пора.
Будут и листья, и птицы протяжно кружиться
Завтра, с утра.

Наша-ли жизнь, задрожав, зазвенев, оборвется
Без очевидной вины?
Помнишь-ли звук, что подчас в тишине раздается, —
Лопнувшей тонкой струны?

Ты от меня улетишь, как последняя птица,
В страхе грядущего зла.
Ты от меня улетишь, не посмея проститься
Росчерком вольным крыла.

В долгую, светлую ночь, над пустыми полями,
В поздний морозный восход,
Ты улетишь, как они, за былыми годами,
Не задержавши полет.

Постучишься, войдешь. Не войдешь, а ворвешься.
И градом
Опрокинув испуг и разбившись на тысячи брызг,
И в пустом изумленье зеркал отразившись подряд
многократно,
Рассмеешься. И снова на брызги, на тысячи
радостных искр.

И под грохоты эха зеркал отразившись, рассыпавшись,
ахнув,
Вдруг глаза остановишь на странной моей тишине,
Громким счастьем своим смущена. И заметишь, что
ждал, словно плаху,
Не сводя своих мыслей с тебя и любя все нежней,
затяжней.

БАЛЛАДА

Мы за сны свои не властны,
Мы за мысли свои не в ответе.
Угадай, что придумал весны
Нашумевший восторженный ветер!

Были двое — не я и не ты,
Но такие же дети судьбы,
Но такие же правнуки тьмы,
Своенравны, горды.

Говорил — ни за что, никогда,
Говорил, что на свете одна
И, — как ночь, тишина и луна —
Триедина везде и всегда.

А другой, от злобы кривясь,
Говорил, что взбесился скакун,
И хотел показать свою власть
Без седла и на всем скаку.

И умчался, безумен и слеп,
Только ветер в ушах свистел,
А оставшийся долго смотрел
Сумасшедшему всаднику вслед.

Полюбил голубиный покой
Тихий пленник счастливой любви
Ты мгновения не торопи:
Все забудут, и тот, и другой.

Знаю, дни облетят,
Словно цветень торжественных яблонь.
И блаженные ветви озябнут,
И воротится осень назад.

Много в жизни отрад,
Много лести и прелести сердцу —
Исполнять от рожденья до смерти
Непонятный и сладкий обряд.

Но любовный восторг
И прелестней других, и прекрасней.
Розоватыми жилками счастья
Испещрен бытия лепесток.

Затихают века.
Одинокое счастье пылает.
Закрывая глаза, умирают,
И любовь и тиха, и легка.

И из крови — трава
Зеленеет веселою славой.
Меч ветшает, кровавый и ржавый.
И над жизнью — слова.

ОТТЕПЕЛЬ

Мы вслушивались в ветра смутный бред о нас.
Река в объятьях льда немела и дрожала.
Измученных огней заплаканная преданность
Нас долгим мутным взглядом провожала.

Я верю в лед: он прочен, тверд и зол еще,
Послушная вода молчит, дрожит и стынет,
И не предчувствует он громкого позорища
Изломанной, крошащейся гордыни.

В чем дело? В чем же вся неузнаваемость?
Я стиснутой руки угадываю жаркость.
Лед тайно начинает таять, предавая нас.
Просачиваясь, льнет потоком мутным жалость.

Зеленое небо, и ветер сырой с океана.
Ошибка, случайность — апрелю не нужно ведь снега.
Был мост через пропасть, был голос родной из тумана,
И вот — головой в непонятное горе, сразбега.

С соленою нежностью (нет, ты не дрогнешь навстречу
Бесстыдному горю нелепо проигранной страсти!),
С потерянной нежностью плачет, зовет и лепечет,
И бьется у ног унесенное, смятое счастье.

Отчаявшись в ловле, в догадках измучась, изверясь,
Глядим в изумленье, во власти тупого испуга:
Мы жались друг к другу как дети, как тихие звери,
И вот, на дыбы подымаясь, ощерились мы друг на
друга.

Вернемся же к точке исходной. Я помню, как все
это было:
Взволнованный ветер, и ветви усеявший снег.
В счастливых — до боли — глазах от внезапного
блеска рябило,
И слепком блаженства стихал застывающий смех.

Еще звучит бессмысленно мажорный
Все тот же свет дневной, и темы те ж,
Но слышится, как ночь, сквозь тайный шорох,
Уж пробирается наощупь в темноте.

День уплывает, лишний лист опавший
В осеннем, ржавом, ветреном пруду.
Я говорю: как непохож на ваши
Волнения — вот этот сад в бреду.

Ты над раскрытой думаешь страницей,
Невольно медля, меря берега.
Как бледен лик, что пристально глядится
В неотразимость сумрачных зеркал.

Я понимаю: стала недотрогой,
Испугана, тебя бы поберечь,
Тебе бы отступиться от ожогов
И жара тяжкого невыносимых встреч.

Вот ту-б постыдную, постылую свободу
Безлюдия, чего бежала ты.
Я понимаю: все в тебе про отдых,
Про тишину и ясность правоты.

Но эта ночь, но этот сад и ветер,
Глухое бормотанье темноты...
Так только ветви могут ныть о свете.
Растет тяжелый мрак. И тема — ты.

Луна не спит, и мы не можем спать.
Лунатики любви, мы медленно выходим,
Вдыхая полной грудью благодать
И свежесть лунной ночи на исходе.

Ожесточенная, луна бредет одна.
Она не может спать и тихо бредит
Об одиночестве, о всех ночах без сна,
О некоторой нравственной победе.

Глядим во власти лунного ожога:
Полет ее высок. Невозмутима ночь.
Прекрасна, влюблена и одинока,
Надменная, луна уходит прочь.

Мир отошел, чуть видим, чуть весом.
На миг один, остановясь в зените,
Безумным взглядом она видит все,
В внезапном просветлении наитья.

Но вот она склоняется все ниже,
Неясно бормоча о странностях любви.
Она ошиблась и упорно нижет
Один к другому промахи свои.

Затравлена тоской, непониманьем,
Она уходит прочь, разбита, чуть жива.
Ее ученики, мы слушаем с вниманьем
Пронзительные, вещие слова.

Далекий кинутый дом
Под осенним мокнет дождем.

Там подолгу закаты горят
День за днем одиноко подряд.

Ночь за ночью береза шумит
За окном из настойчивой тьмы.

Час за часом проходит жизнь,
Опускаясь медленно вниз,

За стаканом вина (чья вина?),
Глоток за глотком — до дна.

И над сломленностью тишины
Реет тень вероломной жены.

ЗВЕЗДА ВЕЧЕРНЯЯ

Поется под гитару.

Звезда унылая,
Звезда вечерняя,
Подруга милая,
До гроба верная.

Трава росистая,
Да песня скучная,
Разлука близкая,
Да неминучая.

Заря вечерняя,
Заря печальная,
Слеза прощальная,
Фата венчальная.

Жена покорная,
Да неулыбчива.
Как роза черная —
Другой не сыщется.

— Под солнцем лишняя,
Навеки взаперти.
Не лучше-ль нищенкой
На Божьей паперти? —

Не выжмешь силою
Слезу горючую,
Любовь постылую,
Да ласку скучную.

Судьба ли сыщется
Многострадальнее?
Не лучше-ль — нищенкой
В дорогу дальнюю?

Звезда вечерняя,
Звезда печальная,
Жена неверная,
Дорога дальняя,
Дорога дальняя...

В АПРЕЛЕ

Бубенец замолк за поворотом
Темных вечереющих лесов.
Над полями — грустный отчего-то,
Голубой весенний полусон.

Прислонюсь тихонько к старой двери,
Постою немного на крыльце.
Буду думать, верить и не верить,
Буду думать о твоем лице.

Твоей нерадостной страны
Полузабылись очертанья,
Но внятный голос тишины
Всегда твердит ее названье.

Сулил неверное свиданье
Твой взгляд, и ясный, и немой.
Со мной — призыв и обещанье.
Я — не с тобой, далекий мой.

1.

А дни плывут, что в половодье льдины,
И каждый день — томящий шорох льдин.
Прости мечты в печальные годины,
Прости мои скитанья без пути!

Мне жизнь ясна, и в сумраке вечернем
Закат пророчит мне кровавостью копья.
Я буду ждать все глубже, все безмерней,
Я буду вдаль смотреть, и ждать, и ждать тебя.

2.

И день за днем, томительный и нежный,
В своей дали ты тих и одинок.
О, дай коснуться благостной одежды,
Позволь припасть и отдохнуть у ног.

В твоих садах ни стон, ни воздыханье,
Покой любви и солнце без конца.
И я слежу, не преводя дыханья,
Бестрепетность и благостность лица.

3.

Я не приду взволнованной и нежной
К твоим садам на берегу реки.
Вдали видны знакомые одежды,
А рядом веют сны моей тоски.

Но — тихий шаг, и отчужденность взгляда,
И — вдаль глаза, опущена рука.
Вокруг же благостно молчанье сада,
И спутник невидим — моя тоска.

Проходишь ты, задумчивый и нежный.
В твоих садах светло и так легко.
Из-за ветвей белеются одежды.
А я — вдали — одна — с моей тоской.

В последний раз. Не отрывая глаз. — Простите.
Не поминайте лихом. Нет, пустите.
Я буду помнить вас всегда. —

Надолго хватит мне печального улова.
Еще одно я выучила слово,
Отчетливое слово: "навсегда".

В последний раз. Так вот, так вот она, разлука.
В послед... Легко закрылась дверь, без стука.
Так пальцы жгут у жаркого огня.

Мне страшно за тебя: за светлую улыбку
И за непоправимую ошибку,
Что ты не полюбил меня.

Когда-нибудь после, мой друг,
Внезапной тоскою взовью
Из самого омута мук
Погибшую память твою.

И вспомню в бессчетный раз,
В холодном, упорном бреду,
И темные впадины глаз,
И смуглой руки худобу.

Ни пряди волос, ни письма.
Лишь черные мысли мои,
Лишь свежая тяжесть клейма
Короткой и страшной любви.

За смутную горечь
Веселых речей,
За смуглое горе
Цыганских страстей,

За встречную муку,
За голос судьбы,
За нашу разлуку —
Тебя не забыть.

Снег веселился, падал и шутил,
И ветер, буйствуя, хватал за плечи.
Я чувствовала сквозь огонь щеки
Присутствие, почти-что человечье.

Ты помнишь, мы смеялись, уходя
Все дальше в ночь, в погоне за простором,
Кидая все. Немного погодя
Исчез маяк. Мы шли в открытом море.

Мы восхищенный проникали воздух.
Но посмотрев, как широко зажглись
Сигнальные огни на перекрестке,
Ты вдруг вздохнув сказал: — Смешная жизнь! —

Смеялся снег, слетаясь к фонарям,
Своей довольный шуткой, опускался.
Он, видно, был в ударе. Да и впрямь
Тот первый зимний вечер им удался.

Так вот кто ты, попутчик мой по счастью!
Гляжу в упор, смелее, чем во сне.
Шагаем, сближенные соучастьем.
В карманах руки, на ресницах снег.

ЕГО БЕССОННИЦА

Ты, как всегда, домой придешь часа в два ночи
И, двери заперев, зажжешь усталый свет.
Пустая комната, где мрак, как время прочный,
Условился с тобой встречать рассвет.

Неспешно закурив, опустишься ты в кресло,
Взглянув на полчище любимых книг.
Назавтра, в одиночестве воскресном,
Задумчиво ты возвратишься к ним.

Из темных рам — условность-ли ночная? —
Со стен глядят поля и облака.
Пустой стакан тоски не замечает,
Пустая комната громадна и тиха.

Сигнал о бедствии — ночном, непоправимом, —
В окне соседнем вспыхивает свет.
Не отвечай. Проходит молча мимо
Чужая боль. Излишен твой ответ.

В проклятой тишине (о, звуки, кто вы?)
Все круче ожиданья спираль.
И вопросительно глядит готовый,
Привычно настороженный рояль.

Над чашкой черного недопитого кофе
Послушно ждешь (рассвета иль судьбы?),
Послушно слушаешь — все глуше шопот крови,
Все тише гул смиряемой борьбы.

И страсть твоя, не слушая ответа,
Все продолжает долгий монолог,
Многоречивее взволнованного ветра,
Красноречивее, чем мой немой упрек.

И до зари, в немом оцепененье,
Ты слушаешь, закрыв глаза рукой,
Молчащей музыки немое вдохновенье,
Молчащей страсти судорожный покой.

По колени трава. Тучи после дождя.
Птицы, ветер, закат.
И с горы перед нами — весь мир,
Опрокинутый навзничь: прекрасен, беспомощен, тих.

Никогда — о запомните, помните всюду, всегда! —
Не повторится этот момент:
По колени трава. По колени моря и миры,
И сквозь всплески туманностей — новой звезды
зарожденье.
По колени трава. И клонимая ветром — к плечу.

О запомните, помните, был ли то ветер в ушах,
Или грохот вздымаемой крови о тела гранит.
Это было, запомни: гора, и внизу, перед нами,
Птицы, ветер, закат.

Ты — ствол, а я — листва.
Я — песня, ты — певец.
Ты — мысль, а я — слова.
Начало и конец.

РАЗМЫШЛЕНИЯ КОНСТАНЦЫ

Стекает сумрак. Тени залегли.
Раздумье шаг свой начинает мерный.
— Как трудно верить мне твоей любви,
Избранник мой рассеянный, неверный!

Но дар божественный мне трудно не признать:
Ты Божьей милостью любовник вдохновенный,
И кажется убога и пресна
Жизнь, искаженная твоей изменой.

Беспечный Моцарт, баловень любви,
Любимец легкомысленный, извечно
Ты обречен на музыку в крови
И струны сердца знаешь безупречно.

Я для потомства бедного спасу
Обрывки пролетевшей благодати:
И венский вальс, и смех, и дождь в лесу,
И вечность, спавшую в твоих объятьях.

Так уходить — впотьмах, в слезах, ни разу
Не оглянувшись с этих страшных круч.
Направо дверь. Перед финалом — пауза.
И повернувшись тихо звякнет ключ.

А за тобой ночной покой клубится.
Там, в темноте, не прекращает биться
Будильника пустой и громкий пульс.

Ты спишь. Вот так, закинув к небу лица,
Спят те, кому чужда ночная грусть:
Любовники, младенцы и убийцы.

С теми, с другими; с которыми
Так легок любовный пыл,
С негрустными, неупорными,
С смеющимися, задорными,
Скоро-ль меня забыл?

Клял-ли словами черными?
Долго-ль в огне топил?

Думаешь, вспоминаешь-ли,
Помнишь-ли ты обо мне?
Задела-ли я хоть краешком
По той, по молчавшей струне?

Хорошо, я буду верить,
Хорошо, я буду ждать.
Буду верить, горе мерить,
У окошечка скучать.

Хорошо, что до обеда
Собиралася гроза.

Хорошо, что у соседа
Развеселая беседа,
Огнестрельные глаза.

Жди и слушай ночные шаги.
Подавляй непокорную дрожь.
Не страшись одинокой тоски:
Он вернется, ты лампу зажжешь.

Только жди, только тихо тверди
Про себя, что раскроется дверь,
Ты замрешь у него на груди
И простишь. Как всегда. Как теперь.

О ВЕРНОСТИ

Да, да, стихи, стихи. Хоть вы остались.
Вы — верные, и вас я не предам.
Вас не смутит ни ревность и ни зависть,
И день, и ночь за мной вы по пятам.

Не пропадаете надолго, не простившись.
Вы — знаете, как страшно мне одной,
И по ночам, ступать стараясь тише,
Всегда вы возвращаетесь домой.

Когда рассвет, внезапно протрезвевший,
Сознаньем безнадежности залив,
Вдруг озарит испуганные вещи,
Измученные ночью без любви;

Когда, покусывая молча губы,
Я отойду от светлого окна,
И ждавшая тоска, схвативши грубо,
Потребует отчета ей сполна, —

Пред неизбежностью невыносимой,
Сдав все свои надежды по частям, —
Себя я к жизни возвращаю силой,
Бросаюсь, как к прибежищу, к стихам.

Смиренная, раскаяньем казнима,
— Как искупить рассеянность мою? —
Я возвращаюсь к ним неотвратимо,
Люблю, клянусь, прощения молю.

И, страстную пообещав им верность,
Даю обет — все помыслы отдать.
Но слышу открывающейся двери
Знакомый звук — все рушится опять.

Вот он в дверях, счастливый и беспечный,
Безгрешней наигравшихся стихий.
Остолбеневшая, гляжу навстречу,
Молчу и жду. Молчат и ждут стихи.

Какая медленная смерть,
Какие долгие страданья.
Так убедительно гореть,
Так доблестно, упорно тлеть
И — расставаться, зная: впредь —
Ни возвращенья, ни свиданья.

Чужие дни в чужой стране
Пройдут как сон, промчатся мимо.
И только память обо мне,
Сгоревшей заживо в огне,
В твоей прозрачной тишине
Пребудет неиспепелимой.

Ты меня не держи —
Я ушла в путешествие,
Я не скоро вернусь.
Не несчастье, не бедствие,
Только грусть.

Только голос, на время замолкший в тиши.
Ты меня не держи.
Я ушла, но вернусь.

Я как прежде гляжу на тебя,
Неотрывно любя.
Я себя не щажу.
Я совсем не жалею себя.

Я потом расскажу,
Сколько горькой отваги в скитаниях было моих.
Только-б стихнул испуг,
Только внутренний крик бы затих.

Это страшно — я здесь, но ушла.
Только-б помнить, что я
Возвращусь, наконец,
Доберусь до родного угла.
Только-б знать, что беглец
От себя, от любви
Через путь одинокий, ночной, в тишине напролет,
В заключенье уйдет
От себя, от любви.
И тогда я вернусь.

Металась, рвалась, убегала:
— Уйти бы куда, спастись...
А за колени хватала,
Умоляла разбитая жизнь:

— Где моя нежная юность?
— Как сделалась я такой?
— Откуда эта угрюмость?
— Почему мне дышать тоской?

Какая любовь не спрашивала,
В отчаянье от себя:
— Почему я такая страшная,
Почему я сама не своя?

Вспоминала: а бывало —
Сердце сердцем узнавала,
Голубем вокруг летала,
Не умея умереть.

А бывало: вспоминал,
Сердце сердцем прикрывал,
Каждым шорохом в крови
Обучал меня: живи!

А теперь глядим, молчим,
Не умеем, не хотим.
Этот черный водоем
Оба мы не узнаем.

НО ЭТО НЕ КОНЕЦ

Ты можешь от меня уйти навеки
И в тяжкой непрощающей тоске
С упреком вспоминать все грозы эти
И башни, строенные на песке.

Отстоpонясь от яростного счастья,
Ты, может быть, и память проклянешь,
Ты отречешься от жестокой власти
И окровавленный вернешь мне нож.

Ты можешь засмеяться новой жизни,
Уйти, затоpопясь и даже не взглянув,
И новая любовь из сердца брызнет,
И в новом ты оглянешься плену.

И, прочь уйдя, ты снова, для другого,
Даря себя, раскроешь свой ларец.
И станет жизнь тиха и бестолкова,
И все замрет. Но это не конец.

Ты можешь, просверкав, исчезнуть небылицей —
Так говорит холодный ум-глумец.
Ты можешь предо мной смертельно провиниться
И умереть. Но это не конец.

Неисправимая мятежница!
Мне даже счастье не в покой.
Порой, устав блаженством нежиться,
Я тешусь нежной клеветой.

Я жалуюсь на трудность зодчества,
На редкий воздух в вышине,
Играю в грусть и одиночество
В ночной послушной тишине.

В единоборство сокровенное
Вступили души и тела.
Неверно счастье переменное,
Любовь большая тяжела.

И верный маятник с терпением
Летает от минут к часам.
Я знаю чудо повторения,
Что ходит ветер по кругам.

Я все храню подарок давний твой —
Серебряное узкое кольцо
С лазурно-мутным старым лунным камнем.

Я все гляжу на гордый этот дар
И словно вижу скрытную любовь,
Которая и глаз не поднимает
И только жжет сияньем изнутри.

Стремясь вбегаю в тихий зал,
Где голос твой не отзвучал,
Где портсигар забыт в углу, на стуле.
Прощаясь, ты сказал:
— Увидимся в июле. —

Не верю сердцу твоему,
Не верю сердцу своему
Пред неизбежной бездною разлуки.
И медлю, и гляжу во тьму
В провидческом испуге.

Войдешь — я вздрогну. Снова пытка.
Твои шаги всегда легки.
Коснешься тихо, без улыбки,
Моей недрогнувшей руки.

— Нельзя же так... Ведь есть же выход... —
Твержу я молча наугад
И вдруг растерянно и тихо
Измученный поймаю взгляд.

Как жизнь идет! Как мы меняемся! Как сердце...
Давно-ль оно, давно-ль еще... и вот
Как быстро научилось ты извериться,
Признав неразрываемость тенет.

Я с каменным лицом встречаю взгляд тоскливый,
Спокойных глаз не опускаю вниз.
Давно-ль еще... И вот неторопливо
Стучится безупречный механизм.

Знакомо все: глотая боль, невнятно,
Упавшим голосом, себя кляня...
А мне его любовь скучна и непонятна,
И ненужна. Вот как тебе моя.

Когда же, наконец, мы сможем не любить,
Когда же, наконец, не притворяясь,
Мы сможем за другими повторить,
Что жизнь идет, бесцельно повторяясь?

Пока же каждый день — блаженства страшный дар —
Как смех неповторим в своем сверканье,
И мы расплачиваемся за дивный жар
Любовной несчитающейся данью.

И знаем, что не может не придти
Расплаты час, но мы любой ценою
За каждый миг готовы заплатить,
И все-ж останемся богаты вдвое.

ГРЕТХЕН

Еще дитя, и чужды наважденья,
В неведенье уже грядущих гроз,
И крупных рук спокойные движенья,
И аккуратность слишком длинных кос.

Но ранним утром, сговорившись с ветром,
Цветы тебе расскажут о любви,
И новая в тебе родится вера,
И верность новая скует мечты твои.

Разбужена святым воскресным утром,
Звучит молитвы вещая строка.
Проходишь ты, светла и неприступна
(Как добродетель юная строга!)

Но роковая встреча неизбежна.
Тебе-ли спорить с избранной судьбой!
Он с нарочитой дерзостью небрежной
Вдруг остановится перед тобой.

Подняв глаза в доверчивом вниманье
(Как добродетель скромная смела!)
Ты слушаешь в губительном молчанье
Его слова, забыв, чем ты была.

Ты вечером прядешь, без песен, молча,
Взволнованной прилежностью кипя.
Ты приняла — уже не можешь больше! —
Ларец даров. Такие-ль ждут тебя!

Еще дитя, но слишком трудно сладить
С тяжелым ливнем этих длинных кос.
Уже темницей скромненькое платье,
Уже глаза — все вдохновенье гроз.

УРОКИ КАРМЕН

Как трудно быть Кармен, беспечной, своенравной,
С улыбкой петь: — О да, любовь вольна! —
И чувствовать, что начат подвиг странный,
Что хлынула девятая волна.

Не дымное кафе с толпой американцев,
Где хриплый джаз томится ни о чем,
Где ты так долго ждешь, уставшая казаться
Такой же, как они, в томлении ночном.

Прищурь глаза: нет, полночь, Лиллас-Пастья
И задыхающийся ритм гитар.
Колебля свет, летит дыханье страсти
(Ты, пошатнувшись, выдержи удар).

Кармен, мы за тобой, мы по твоим следам
Безумным хороводом страсти мчимся!
Кармен, остановись, пойми — не совладать
С твоим огнем, которого страшимся!

Нет, не гони ее: она опять вернется.
И не зови: она сама придет.
Нет, не держи: малиновкой взовьется,
Крылом забьет и звонко запоет.

Смеясь над ним, над страстью, над собою,
Запой и ты. Швырни ему цветок.
Любовь вольна! Она берется с бою.
(Потом виднее — в рот или в висок).

Не обернувшись, глаз не подымая,
Вдруг чувствуешь: вошел тореадор.
Толпу приветствует, еще не понимая,
Прекрасный, бычий, полный страсти взор.

Знай, жарко знай: твоя смертельна рана.
И, медленным отчаяньем пьяна,
Ты примешь бой, заведомо неравный,
Поймя: о да, любовь — как смерть — вольна.

ВЕЩИ

Днем все вещи спокойней и злей,
В лучшем случае — безразличны.
Как в чужой толпе, как во сне,
Я средь них, как голодный нищий.

Неподвижно стоит комод,
Равнодушный, непоколебимый.
Я гляжу: разве он поймет,
Как я всеми ими гонима?

Торопясь на звонок телефона,
Ушибаясь, споткнусь, налечу,
И, на миг замерев смущенно,
— Извините, стул, — бормочу.

Но ночью, придя домой, —
На сегодня конец скитанью! —
Я с надеждою и тоской
Прислушиваюсь к молчанью.

Головой припадя к стене,
Говорю: — Ты послушай, стул,
Он опять равнодушен ко мне,
Он опять меня обманул.

И, сочувствуя, стул молчит,
Ожидая дальнейших слов.
В глубине деревянной души
Он помочь бы мне был готов.

Я в ночной тишине не одна,
Весь враждебный мне мир уснул.
Мне опорой немой — стена.
И опять я: — Послушай, стул...

ЗАВИСТЬ

Все ясней с рассветом проступают
Нежные упреки голубей.
Голуби томятся и вздыхают
В ласковой любовной похвальбе.

Ты-ж растерянна и молчалива,
Нехотя встречаешь звонкий день.
В комнате недвижимо почила
Скучная, нерадостная лень.

Своего тебе осталось мало:
В горле неглотаемый комок,
Сухость глаз, горячих и усталых,
Папиросы тоненький дымок.

Вместо неподвижности и страха
И тебе-б немного полетать,
Потомиться, повздыхать, поахать,
Покувыркаться, поворковать.

ТЫ ТОЖЕ ПРИТИХНЕШЬ

Смущенная его внезапной болью,
Ты слушала с волненьем и тоской
Его слова о призрачной неволе,
Об одинокой тишине ночной.

Я не виню тебя. Все так понятно.
Не ты одна была укрощена.
Не ты одна узнала, как отрадна
Внезапная ночная тишина.

Ты слушала его с невольной болью,
Побеждена вдруг нежностью ночной,
Взволнованная новой, трудной ролью
И безнадежной страшной тишиной.

И дальше в путь, прохожая, чужая,
Уйдешь одна, тоской поражена.
И станет неотступной — та, ночная,
Бессонная, живая тишина.

ДВА ПРОКЛЯТЬЯ

Бог оставил людям два проклятья:
Для мужчины — жизнь вести в труде,
Женщине — за сладкий грех объятья,
В муках и крови родить детей.

Так учили книги откровений
Души всех покорных много лет,
И склонялись грешные колени
Под карающий святой завет.

Мы теперь ушли от темной власти
Нас от века обрекавших слов.
С нами наше, человечье счастье,
Без крестовых мук и без грехов.

Дар любви не благостней, не слаще,
Чем разящий, темный Божий гнев:
Радость матери, в руках дитя держащей.
Гордость пахаря, собравшего посев.

Я не узнаю никогда:
Уже была, быть может, встреча.
Но мною был ты неотмечен.
Я не узнаю никогда,
Кто слушал — ты или предтеча —
Мой тихий шопот, всплески речи.
Уже была, быть может, встреча —
Я не узнаю никогда.

РОМАНС

Боясь пролить хотя бы каплю яда,
Я никогда не говорю о вас.
Ваш легкий шаг и равнодушье взгляда
Я узнаю, не подымая глаз.

Была весна, самой весны весенней,
И я любила вас, и сумрак голубел,
И шорох звезд, и длительное бденье
Под звонкий ливень синих лунных стрел...

Ваш образ стынет в мертвом ореоле.
Другим отдали вы и зной, и нежность ласк.
О, я не выроню своей заветной боли!
Я никогда не говорю о вас.

Напуганные вечным пораженьем,
Мы постигаем алгебру любви,
Законы тяготенья, приближенья
И центробежный наших чувств отлив.

Алхимики, мы тихо изучаем,
Выводим, сравниваем тайный смысл,
И, в отвлечениях своих дичая,
Мы начинаем верить в стройность чисел.

И, наконец, покинув заточенье,
Во всеоружье знанья мы выходим в свет —
И первый встречный взгляд, решая все сомненья,
Сражает нас и сводит все на-нет.

ЧЕРЕД

Умирают от вражеской пули,
От несчастия, от любви,
А живут — горячась и тоскуя,
И теряют пути свои.

И, не зная предела скитаньям,
Не умея связать года,
По таинственным очертаньям
Стараются жизнь разгадать.

И к какому-то успокоенью
Неверное сердце идет,
Находя наощупь явлений
Неторопливый черед.

Наши годы терзания застят,
Мы не в силах себя забыть.
Мы любили и были счастливы,
И другие будут любить.

И любовь, и смерть, и трагедии
Вспоминаем мы наизусть.
Сердце жадное ждет бессмертия,
И всегда с ним бессмертная грусть.

За женскую влекущую любовь
И за ее сестру слепую — нежность —
Они испытывают крепость лбов
И веруют беспомощно во внешность.

И утешают маленьких сестер,
Бодрясь и через силу улыбаясь:
— Не надо плакать. Не печаль свой взор.
Смотри, какая птица голубая. —

И молча руку слабую пожав,
Взглянув в глаза, расширенные горем,
Они уходят. Каждый горько прав.
А мы глядим. И снова все повторим.

В буран сбылись осенние приметы,
И вьюжный ветер гнал из-за морей
Морозные жемчужные рассветы,
Предвестники затихших снежных дней.

А стужа не жалела суходолы.
На землю осыпались облака,
И хрипло мчался посвист невеселый
В ночных полях, и ночь была дика.

Безмолвные морозные трущобы
Дрожа протаптывали поезда.
За вьюжной ночью выросли сугробы,
И туго скрепла на реках слюда.

В коротком сумраке солнцестоянья
Багров закат на вымерших снегах,
И мертвые синеют расстоянья,
И пройден трудный путь, и ночь долга.

ЛАБРАДОР

Дул ветер нам попутный, но нескорый,
И после двухнедельного пути
К пустынным побережьям Лабрадора
Мы стали понемногу подходить.
И голос пел земли, встречая нас,
Что буря позади — на этот раз.

Лицо лизал морской отважный ветер
Солоноватым влажным языком,
И, редких сосен раздвигая ветви,
Ссыпался с кручи с камнем и песком.
Меняя парус, шла рыбачья шхуна,
И пена у камней ложилась с шумом.

Пустынный край! На каменистых склонах
Задумался июньский кроткий снег.
Голубизной мечтательной и сонной
Блестит оттаявший олений след.
Здесь ветер пел так долго что хотел,
Здесь воздух чистотой заиндевел.

Туда, где стаи волн блистают сталью,
Среди закостеневшей тишины
Летит, вздыхая над пустынной далью,
Душа тишайшей северной весны.
И, заглушая ветра песнопенья,
Гудит тяжелых волн сердцебиенье.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОХЛАДА

И я с своих вершин сошла
В тенистые сады,
В изнеможенье прилегла
У ласковой воды.

Вечерней вверясь тишине,
Дремал вечерний пруд,
И в золотистой вышине
Стоял весенний гуд.

Мои воздушные следы —
Как сонная мечта.
Как струйки стынущей воды,
Струилась темнота,

И тени плавные легли,
Ласкаясь к тишине.
Я улыбалась издали
Смеющейся весне.

Замолкли шумы дня,
Как голоса подруг.
Я слушаю одна
Шагов старинный звук.

Крутой закинут мост
Над ветхою рекой.
Обломки тонких звезд
В ней тонут в час ночной.

Слетел душистый снег
На зов нагих ветвей.
Подков сребристый смех
Все ближе, все слышней.

И, не поняв вины,
Он затоптал, ездок,
Жасминной тишины
Опавший лепесток.

Забытый ветер на песках
Шуршит вдоль отмели по солнцу
И легкую тревожит бронзу
Иссохших прошлогодних трав.

Весна проходит, торопясь,
В своей слепительной тревоге,
И жизнь и смерть находят связь
В великолепном диалоге.

Клубясь под солнечным бичом,
Там воздух радостный струится,
И рвется ввысь, и льнет ничком,
Чтоб от земли не отлучиться.

Нет весны, которая-б не пела
Легким голосом очарованья.
Дух томит неизбранное тело,
Неугаданное очертанье.

Разгулялись ветры по просторам,
Зазвенели над полями птицы.
Вот зазеленели косогоры,
Стали пестрой радостью рядиться.

Вняв ветрам, и ты, душа, по-птичьи
Научилась петь, дивясь мгновенью,
Угадав в неузнанном обличье
Необычное предназначенье.

С дыханьем застаревшей тишины
Когда приходит девственная осень, —
Как пажити библейской старины —
Прилежной Руфью сжатые колосья.

Из сырости рассвета и луны,
Когда туман росы алмазы сбросит, —
Влюбленной Суламифи и весны
Гортанный оклик ветер переспросит.

Усталой горстью сыплю семена,
Вечерних птиц приманивая к дому,
И первая звезда едва видна
По легкому сиянью золотому.

Как вечер поджидающий тиха,
То мудрая жена зажгла лампаду.
Распев благочестивого стиха
Встречает тьму, по древнему обряду.

Кедры высот Ливана.
Воздух душист и смирен,
Радости Ханаана
Будит в притихшем мире.

Розовые ладони
Медленного заката
Солнце пригнут и склонят,
Скроют за блеском злата.

Тих закаленный воздух,
Верен дневному зною.
Поздно проснутся звезды,
Позже луна восходит.

Мрак апельсинной рощи,
Очерки кипарисов
С тьмой раскаленной ночи
Сблизились, обнялися.

Благословенной почвы
Благословенны лозы.
Благоговейный воздух
Сквозь благовейность ночи
Тьмой превозносит звезды.

От аромата миртов
Душен массивный воздух.
Ветер душист и смирен.
Поздно проснулись звезды.

Обетованную
Ступаю землю.
Над тихой Каною
Веселью внемлю.

Генисарет.
Скалы как пальцы стиснуты.
Тысячелетний свет —
Крест кипарисовый.

Гремят в весенней перепалке
Ошеломленные леса.
Всколыхнуты и воздух валкий,
И неба древняя краса.

Срываясь с выси, ветр безумный
Трубит веселый праздник бурь,
И голос страстный, голос юный
Поет и бьется о лазурь.

В неудержимом, долгом звуке
Как легкой воли не узнать.
Тоску веселую разлуки
Не обогнать и не унять.

Пусть буря мчась срывает снасти,
Пусть сердце буйствуя поет —
Ему не част в пустыни страсти
Головокружительный полет.

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Внезапный луч — и в дивном ослепленье
В дождливый день расцветшая сирень.
Здесь все как было, только больше тени,
И только небо кажется серей.

Вступаю в сад, где радость и усталость
Привыкли коротаться без меня.
Я узнаю: здесь только тень осталась,
Да долгая ветшает тишина.

Сюда не надо звать воспоминаний,
Здесь дом их, здесь они всегда живут.
Забыв года разлуки и скитаний,
Я дома, я гляжу, я наяву!

Растет трава, густа, как на могилах.
Заглушена старинная межа.
Я узнаю: здесь были души милых.
Здесь зазимует и моя душа.

Клянясь, поют веселые потомки
Знакомых замолчавших соловьев.
Заря горит, златит сквозь воздух тонкий
Отеческий опустошенный кров.

РОВЕСНИЦЕ

Ты не покинула родного края.
Закрыв глаза, я вижу: на юру
Стоишь, высокая, судьбы не замечая,
На выступе, над кручей, на ветру.

Сосна над озером! Ровесница, подружка,
Забыла-ль ты, как в детстве, по утрам,
Упрямая несчастная кукушка
Любила жаловаться глупым нам?

Осенней ночью долго в непогоду
Гудит твоя смолистая тоска.
Проходит дождь, проходят дни и годы,
Ладонь усталая становится жестка.

На склоне гор, где ветер неуемный,
Задумчивый и нежилой твой дом.
На склоне лет вернешься-ли, и вспомнишь,
И вспомнишь-ли о жизни, о былом?

Раздумье дни, как облака, считает.
Пусть в даль долин спустилась синева.
Тот ветер жив, и верно повторяет
Чужие, но прекрасные слова.

***

Но я тоже права в своем непреложном пути,
Молчаливый, спокойный упрек твой встречаю открыто
И заранее знаю, что меня ждет впереди:
Берег моря, усталый старик и разбитое наше корыто.

Проходит жизнь — ты не следи шагов,
Тут не поможет бденье и охрана.
Но долго не устанет гнаться кровь,
Будя приливом тело утром рано.

Но береги, но нежь и радуй друга,
Не дай заметить под ногами склон,
Пока созреет смертная разлука,
И возвратится одинокий сон.

Тогда ты в шуме трав услышишь ясно
Обрывки жалоб, непонятных слов
И вдруг поймешь, что с нашей, теплой, красной,
Слилась в земле зеленая их кровь.

РОЩА

Сквозит роковой наготой
Обнищавшая роща моя.
Притаясь, проскользит
Окаянный и тощий
Беспутный ноябрьский ветер.
Моих бездыханных дерев
Морозом сожженные, смутные ветви,
Их лик искаженный
Грозит, завещает, и просит мгновенье
Последней, смертельной мольбой,
Мятельной тоской заклинает, уносит:
— Отмщенье!
— Весна!

С веселой трепетной тревогой
Взлетела стайка воробьев.
Легко стекает день отлогий
В прохладу стынущих ветров.

Лес не торопится, он стройно
Обдумывает про себя
Закат медлительно спокойный,
Залегший далеко в степях.

Уходит день, на день похожий,
Густеет сумрак заливной.
Остановись и ты, прохожий,
Дохни немертвой тишиной.

Ночь уронила лунный иней
По серебрящейся земле.
Туманы ходят по равнине,
Готовят проводы зиме.
Но утро бережет покой,
Встает заря довольно поздно
И будит осторожный воздух
Чуть розовеющей рукой.
И ветром оживился лес,
Шумит небес освобожденье,
И воздух, шалый и весенний,
Разносит солнечную весть.
И вот уж снега не осталось,
И затененный сохнет склон,
И вдаль, на север мчится хаос
Под лязги половодных волн.

Уже в лесах листок неверный —
Улыбка сумрачных ветвей, —
И ветры, утренние ветры
Над одичалостью полей!
Пройди в поля. Там тешит ширь,
И мягко воздуха движенье.
Глухой благословенный мир
Хранит растений пробужденье.
По вспухшей кожуре земли
Бредут покорные волы,
Взрывая глубь, ероша комья,
И волен шаг, и громок крик,
И благодушен лес-старик
И путь веселого бездомья.

Потешат первый пот и усталь,
И темной силой встанет кровь,
И каждый напряженный мускул
Пронзит усилье, как любовь.

И, как любовь, вспьянит и кинет
В глухой разлив кипящих сил,
В непреломляемой гордыне
Натянутых, как струны, жил.

Гудит весеннее раздолье
В могучем радостном огне.
Сохой израненное поле
Лежит в дремучей тишине.
И вечер сумерки посеет,
И выйдет на небо закат,
И станут ближе и яснее
За тучей своды райских врат.

Все позади — и бурь размах,
И брызги бьющегося счастья,
И алчный смех, и смертный страх,
И красота, и безобразье.

Открыт мой взгляд, хоть стан согбен, —
Бесстрастна высь потухших молний.
О, вопли ветра о судьбе
Несовершенной и неполной!

Какой пронзительный простор,
Как даль восторженно пустынна!
Все отошло, и с этих пор
Душа свободна и невинна.

О, легкая, не трепещи,
Тебе-ль не выдержать сравненья:
Пустыня, солнце, и в тиши
Тяжелых волн сердцебиенье

ИТОГИ

Как быстро дни летят,
Как нежно пахнет осень.
И вновь находит взгляд
Раздавшуюся просинь.

За долгий год забот,
За год труда и пенья —
Что сердце назовет
Своим приобретеньем?

Я помню рев машин
Над борющимся лугом,
Смятение лавин
Зеленого испуга.

И, жданный чтя конец,
Запомнил каждый мускул
И отдыха свинец,
И жгущуюся усталь.

Глядит, глядит душа —
Мой груз, мой клад принесен:
В амбарах урожай,
Да две-три новых песни.

ПЕРЕЛЕТ

Наливаясь, мутясь, тяжелело дремучее лето,
Тяготясь пустотой, застывал оплывая янтарь.
Тишина озирала поля. Подрастающим ветром
Доносило острее с полей горьковатую гарь.

И утра, холодея, подолгу мутясь голубели,
Когда нехотя тучи раскутывал поздний восток.
В небе солнце устало, а птицы не знали и пели,
Предугадывая всеми перьями близкий восторг.

Шумный ветер, тревожно клубясь, призывает кочевье,
Гонит трепетный лист в вышину, догоняет лазурь,
И безумным ветрам трепеща рукоплещут деревья,
Тем ветрам, что трубили веселые праздники бурь.

Птица крыльями бьет и клюет оперившийся воздух,
Перебоями столпленных волн возмущая простор,
Он врывается в грудь и кипит, животворен и жесток,
Он огромные синие крылья над нами простер.

Облака и листы разлетаются, клича тревогу.
Ветер рвет высоту, отступает последняя пядь.
Несмолкающий рог! О, в бессмертную нашу дорогу!
Возвращенное небо над нами сияет опять.

Я уплыву на маленькой лодченке,
Испуганно и строго глядя вдаль,
Туда, где по изгибу горизонта
Коснулась неба смелая вода.

Я вниз взгляну, вся потускнев от грусти,
Не улыбнусь на смех и ласки волн,
Увижу дно и дрогну от предчувствий,
И задержавшись дрогнет вдруг весло.

Когда же отслужит свой молебен,
И первая звезда подаст сигнал из мути, —
Я выполню свой неповторный жребий,
Но не с победой кончу краткий путь.

Туманы курят поутру над взморьем,
И волны рушатся на сбившийся песок.
...Старик какой-то пристально посмотрит,
Найдя мое уплывшее весло.

Я стерегу родное пепелище
На недоступной тишине вершин,
И дни плывут задумчивей и чище,
И осень бродит в сумраке долин.

Золотокудрая овеяла леса
Усталостью уже ненужной ласки.
Прозрачная больная стрекоза
Дарит ветрам красу своей окраски.

Опять вдали, неведомо печален,
Ты прошептал невнятные слова.
Их эхо принесло из сонной дали
И повторила мертвая трава.

Под благовейный шум умершей рощи
Я их ловлю в своем покое строгом.
И взгляд мой стал бесстрастнее и проще,
И, может быть, печальнее немного.

В глухих лесах осеннее кладбище,
Мольба безвольная испуганных осин.
И дни плывут бесцельнее и чище
В прозрачном золоте родных вершин.

Дни весны шумливее и злее,
Думы тоже ласковей и злей.
Все ясней в душе, что не сумею
Тихо жить на стынущей земле.

Мне-ль не знать, что огненная слава
Дух избранников своих испепелит,
Что любовь — смертельная забава,
Ева нежная и темная Лилит.

Даже смерти странная внезапность
Сердцу грозный свой привет кричит,
И растет, и крепнет злая жадность
Тронуть все бессмертные ключи.

Думы зреют радостней и злее,
Дни весны — кричащие стрижи.
И подходит, ближе и смелее, —
Вот она! — стремительная жизнь.

Слетают мраки солнечных утрат.
В последней тишине осенний сад:
Отжитых горестей и дум покой,
Изжитых радостей цвéток сухой.

Над садом ворон — черных два крыла.
Над садом смерть, крылатая стрела.
В предсмертной дрожи затихает сад,
Простить не может солнечных утрат.

Под взглядом звезд, безжизненно прекрасных,
Ни горю, ни мечтам не устоять.
Летят часы, земному непричастны.
И море вдалеке поет опять.

Но мрак плывет, лазурь растет и крепнет,
Пустынно и спокойно веселясь.
Неверный ветер ветки мнет и треплет.
Неузнаваемая спит земля.

О, сколько чаек вьется с резким криком
Над редким лесом телеграфных мачт,
Сплетая вместе вопли воли дикой
И тонких проводов счастливый плач!

Скупые дни, расценены давно вы!
Мне жизнь — соперница, не кесарь, не судья.
Над новым днем встает с улыбкой новой
Моя розовоперстая судьба.

Пустыми улицами в девственном рассвете
Иду вперед, как первый назарей,
И ангел каменный, с масличной серой ветвью,
Меня встречает в утренней заре.

На землю опускаются широко
Невспугиваемые небеса.
Дома горят, в огне пылают стекла,
И первый луч во взгляде — как слеза.

То наши предки ядом путешествий
Нас отравили, и из дальних льдов
Адриатической лукавой лести
Упрямый всплеск мы слышим, смех и вздох.

И узнаем у львиного подножья
Ночную площадь, факелы, толпу,
И сердце выбирает с новой дрожью
Старинную тревожную судьбу.

Мы вспоминаем с легкостью обмана
Иные страны и иные дни,
Настойчивость приморского тумана
И Лондона дождливые огни,

Шотландии простор и нелюдимость,
Среди руин запавшие века,
Холодную весну, поля и жимолость,
И утренние с моря облака,

Но снова вдаль, и узнаю мгновенья,
И над Бастилией слепой закат,
И наугад, под нежный запах тленья,
Брожу среди забытых баррикад.

Но вот виденья югом засинели,
Качаясь на волне, скрипит баркас,
И песнями старинное веселье
Беспечный оживляет нам Прованс.

Так, в старом погребе, в углу, за бочкой,
Найдя заплесневелую бутыль,
С веселой осторожностью хлопочем,
Счищаем грязь и обдуваем пыль.

В бутылке настоялось влагой пенной,
Заложенное предками давно,
Прозрачно, и хмельно, и драгоценно,
Тысячелетий щедрое вино.

Кончаем путь, глядим кругом,
И, плавно приближаясь к устью,
Мы вспоминаем отчий дом,
Откуда вышли без предчувствий.

И у границ земной страны,
Иного бытия на утре,
Душа и мир обнажены
В священнейшем из целомудрий

Уж ни ошибок, ни удач
Мы не оспорим, не повторим.
Под поздний, долгий ветра плач
Глядим на сад, цветущий горем.

Не забывай, подумай о судьбе,
Не верь, не доверяй, она в тебе,

Как роковая, тайная болезнь,
Как несозревшая, невыросшая песнь.

Никто не склонится над судорожной мольбой,
Никто не сжалится над трепетной душой.

Один стоишь над ждущею судьбой.
Не забывай, подумай над собой.

Стареет мир, родимое кладбище.
Жизнь — как века, и вечность — как года.
Свободный дух живит простая пища —
И шум лесов, и счастье, и беда.

И есть-ли утешенье: синей твердью,
Где беспощадно вечный свет разлит,
Ужасное томление бессмертья
Нагой душе безжалостно грозит.

Так что же петь? О чем же плакать ныне?
Что молодость идет, что жизнь не та,
Что позади, все глуше, все пустынней,
Еще одна пройденная верста.

Вот мой портрет во дни минувшей страсти.
Да, он увял, недолговечный взор.
Да, этих дней безвременное счастье
Горит, парит превыше всяких зорь.

Стихает гром вдали, стекают капли,
И клонит гроздь усталую лозу.
Я только жду, я только жду, — не так ли?
Мне утомительны и ветер, и лазурь.

Непрочную земную оболочку
Все явственнее разъедает жизнь.
Опустошен твой взгляд: сполна уплочен
Огромный счет, и дальше, тщись не тщись, —

Напрасен, и тяжел, и кровью мечен
Все тот же путь — по пропастям до звезд,
Пускай обман все так же безупречен
И взгляд любви так безысходно прост.

Но выраженья кроткая суровость
И слишком неподвижный тихий взгляд —
Пожалуй, это смерть. Еще ты слышишь голос,
Но уж ответа нет. И нет пути назад.

РЕКВИЕМ

Улицы были пусты
В передвечерний зной.
Пахли затоптанной грустью
На сквере цветы с травой.

Пугая, сгибаясь и горбясь —
Медь праздничная светла! —
Оркестр в громогласной скорби
Вынырнул из-за угла.

Мерным верным шагом,
Медленной медью гудя,
С колышущимся флагом
Провожали тело вождя.

Громкий аккорд разбился.
Грянул и смолкнул гимн.
Уходи, каким явился —
Ненужным, чужим, нагим.

Черные кони рванулись
Под внезапным ударом бича
И по устьям высохших улиц
Помчалися, грохоча.

СТАРОСТЬ

Преступая порог, оглянись
На последнюю искорку света —
За чертой еще теплится жизнь,
Что тобой рождена и согрета.

Никогда, никогда до сих пор
Я не знала такого покоя.
Никогда, никогда до сих пор
Не видала, что небо — седое.

Это вечность заныла, звеня,
Это тайная весть узнается.
Золотого печального дня
Занимается тихое солнце.

Издалека донесся и смолк
Тонкий свист, покидаемый символ.
Точно слез накипевших комок,
Бледный свет накопился и хлынул.

Вот и старость стучится в мой дом.
Полно, ветер, трубить о победе.
Подплывает и машет крылом
Долгожданный седеющий лебедь.

ПОРА!

Ты встаешь в беспокойстве — откуда же этот звук?..
Не сознавая зачем, в беспокойстве встаешь.
Снежный свет за окном, непонятная легкая дрожь.
Черный ветер напомнит: — Пора, неразумный мой
друг! —

Ты внезапно решишься. Нет смысла дождаться утра
И опять увидать и предметы, и лица — не те.
Ты замрешь на мгновенье, прислушиваясь к темноте,
И опять тишина позовет троекратно: — Пора!

По небу полуночи, там,
Где ангел печальный летел,
И душу к себе прижимал,
И тихие песни ей пел, —

Я вижу теперь: над землей,
Закрыв неживые глаза,
Летит шестикрылый покой,
Стальные гудят небеса.

Как память и символ, как знак,
Невольно заметный извне,
Как грозного оттиск жезла
На плоти, приявшей венец,

Как крепнущий звук голосов,
Едва уловимый пока, —
Твое восковое лицо,
Твоя снеговая рука.

Как много черных дней стоит за нами,
Как много белых, призрачных ночей.
Мы сделались отважными бойцами,
И выстрелы вспугнули голубей.

Узнали ненависти праведную ярость
И отомщения священный гнев
За жестоко поруганную старость,
За смолкший беззаботный детский смех.

Летят часы — мы все дружней со смертью.
Ни сожаленья нет, ни укоризн.
Все ближе безразличное бессмертье,
Обмененное на живую жизнь.

Мы выучили твердо: не для слабых
Огни свободы были возжены.
...Но где мы слышали знакомый этот запах
Сырой земли, дождя и тишины?...

В КРЕМАТОРИИ

Полувзглянув, предчувствием томима,
Увидишь ты в пылающем окне:
Хватаясь за неверный облак дыма,
Мертвец вскочивший мечется в огне.

Ужасное, знакомое виденье!
Я узнаю до жутких мелочей
Свое отчаянье и исступленье
И дымный вероломный облик... Чей?..

Все это напрасно. Ненужно и глупо жестоко.
Подумаем лучше о чем-нибудь вовсе ином —
О розах бенгальских, о нильских песчаных истоках,
О мудрых народах Востока, поющих и пьющих вино.

Но как же нам славить и петь, когда больше не сердит
Неудачная жизнь, когда боль разучилась сердить?
Пора помечтать нам о тихой, услужливой смерти,
Пора уже нам перестать о себе говорить.

Пора перестать уж над жизнью своей надрываться,
Приладив с расчетом половче бессмысленный груз,
И ждать, когда райским воротам помогут раздаться
Глоток кислорода и ампул спасительный хруст.

Пора позабыть о себе, вспоминая, как эхо,
Все, что было и не было в жизни, доступной для всех,
В этой жизни, невольной для всех, недоступной для
тихого смеха,
И уже нам ненужной, как брошенный наземь доспех.

Над миром, над миром молчанье.
Засохшая грязь на стене.
Ночной отупевший фонарь. Миганье
И дрожь теней.

В застывшей гримасе — рыданье
И гнев: живут!
А в мире страданье
И смерть наяву.

Ни спать, ни молиться, ни ждать.
Облегченья
Не будет.

Ведь жертву Твою искупленья
Отвергли впредь навсегда
Безумные люди.

Бескровные губы стянуло презренье,
И вопли про тщетность спасенья
В тенях и гримасах под кожей плывут.
Оскал отвращенья
И боли: живу!.

Над миром, над миром молчанье,
И где-то, как листья засохшие, звуки.
Рыданье, —
И надо-ль жалеть?
И тени, как гады ночные, как муки,
Ползут по земле.

ТОПОР

День за днем стучит топор,
Ровен, меток и нескор.

Неотступный, верный друг,
Надоевший мерный стук.

Зимним днем иль ночью летней
Замолчит удар последний.
Кончен путь, и будь доволен:
Дом последний приготовлен.

Все не веришь в очевидность,
Жизни рыцарь слишком рьяный?
На кого твоя обида,
Неразумный и упрямый?

Все не видишь ты свершенья,
Соблюденья обещаний,
Не признал предназначенья,
Не узнал конца скитаний?

Разве ты не убедился
С достоверностью ужасной:
Мир таков, каким он снился, —
Заменимый и прекрасный?

С ФРАНЦУЗСКОГО

— Оторванный от ветки молодой,
Куда летишь ты, бедный лист сухой? —
— Не знаю сам, — мне был ответ. — Разбит
Грозой, во прахе дуб родной лежит.

С тех пор, не уставая ни на мгновенье,
Дыханья не щадя, преследует меня
То легкое зефира дуновенье,
То бури северной суровое смятенье,
Кружа, неся, стремительно гоня
Через поля, леса, холмы глухие.

Во власти разыгравшейся стихии
Я не ропщу, сколь рок мой ни жесток,
И улетаю в дальние долины,
Где исчезает все в судьбе единой —
И лавра лист, и розы лепесток.

ИЗ БАЙРОНА

Мы не выйдем ночью, как бывало,
До полуночи бродить с тобой,
Хоть любовь гореть не перестала,
И луна — в тревоге голубой.

Ножны износятся скорей, чем меч.
Душа — дыханье переживет.
И сердцу надо вздохи поберечь,
Любви — приостанавливать свой лет.

Вот и ночь хотя опять прекрасна
И для счастья слишком коротка —
Все же мы не выйдем в свете ясном,
В позднем свете счастье коротать.

ИЗ ВИКТОРА ГЮГО

Ты, как Вольтер, с тяжелых лет похмелья
Вернешься в свой блистательный Париж.
Невольный гость забав, красы, веселья,
Над всеми ты привычно воспаришь.

Над тишиной немого умиранья
Тревожных слов закружится мятель,
И в дверь полураскрытую страданья
Вдруг долетит: — "Уже? — Увы! — Ужель?

И ты, старик, как мальчик забавляясь,
Подумаешь: — Как свет доверчив стал!
Я так уж глуп, что добрым почитаюсь,
И так уж добр, что в дураки попал.

ИЗ ЛЕНАУ

Ни роз, ни соловьев в ночах душистых!
В кустарниках уж осень гнезда вьет
И темное дыханье с ветром льет.
Опало счастье в желтом цвете листьев!

И вот луга, хранящие наш след,
И вот ветвей пугливая охрана.
Встают на зов, легки и бездыханны,
Отхлынувшие тени прежних лет.

Но ты ушел, ты хочешь знать миры.
Открылся путь, кривой и беспощадный,
И злая жизнь ведет рукою жадной
К забытым безднам огненной игры.

— Корабль плывет, бортов упорным ходом
Взрывая медленных глубин покой,
И вот уж он вдали, замкнут волной,
Стремит свой путь по стелющимся водам.

Над лесом ворон — черных крыльев взмах
Вспугнул листву и перепутал тени,
Но миг еще, и стынет их смятенье,
Как жалобы в заплаканных глазах.

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Я покормил котенка, и никто
Меня не видел. Подошла собака,
Я тоже дал ей хлеба, а потом
Перекликался долго с воробьями,
Что радовались под моим окном.

Я дал им есть. Пернатые созданья
Взметнулись, восхищенно щебеча,
И били крыльями, крича в восторге:
— Смотрите, что нам дарит Человек! —

В саду росли прозрачные цветы.
Их цепенящий неподвижный запах
Стоял туманом. Целую охапку
Я их нарвал, но все же было жаль,
Что всех не мог я унести с собой.

И я впустил в пустынные просторы
Танцующий и одинокий ветер.
Я разрешил в свою пустую душу
Войти словам, поющим прямо сердцу.
Сегодня я провел хороший день.

А позже, ночью, в комнате своей,
Уютно освещенной мягким светом,
Забыв цветы, и ветер, и слова,
Я хохотал над тем, кто не сводил
Холодных глаз с трепещущего сердца.

КОЗА

Пошел козел за лыками,
Пошла коза за арехами.
Пришел козел с лыками, —
Нет козы с орехами.

За этой легкомысленной козой
Мы посылали всех — огонь и воду,
Волов, волков, людей и медведей.
Она-ж, смеясь, скакала по лесам
И не хотела собирать орехи.

И было весело ей, что огонь
Из-за нее жег лес, и что вода
Шла на огонь, что старая гора
Сошла с давно насиженного места
И двинулась давить волов.
Она смеялась, глядя на червей,
Из-за нее точить поползших гору.
Она все дальше убегала в лес
И не хотела собирать орехи.

Веселая проказница коза!
О, как она, смеясь, трясла рогами
И прыгала, копытцами стуча,
И не хотела собирать орехи!

Но вдруг ей стало скучно, и она,
Обратно повернув, домой помчалась
И быстро находу рвала орехи.

Козел кричал и требовал козу,
Все шли ее искать, шумя и ссорясь.
И вдруг она сама домой вернулась
И принесла большой мешок орехов.

Все успокоились и мирно разошлись.
Усталая коза, внезапно поскучнев,
Готовила обед. Козел считал орехи.

Бабушка, бесшумная старушка,
Дни сидит в неслышном уголке.
За спиной расшитая подушка,
Желтый лучик бродит по руке.
Пролетит и снова сядет мушка,
Поползет по сморщенной руке.

Но седой взмахнет крылами вечер,
Бабушка потрет замерзший горб,
Подойдет и сядет возле печи,
И внезапно красных искр сноп
Позлатит ей сгорбленные плечи
И пергаментный в морщинах лоб.

И, как утром золотые пчелы,
В золоте лучей сбирая мед,
Зажужжат и медленно-веселый
Закружат таинственно полет —
Поползет, как мед, за словом слово,
Золотой ручей чудес забьет.

— На горе стоит злаченый город,
У дворца растет старинный бук.
Златокудрая принцесса Нора
Прячет в розах девичий испуг
И глядит тайком из-за забора
На сверканье рыцарских кольчуг.

А король на золоченом троне,
С тиной сна в невыспанных глазах,
В золотой сверкающей короне,
Гневно поднял скипетр навзмах.
Королева плачет на балконе,
С золотым кольцом в руках.

Будит королевская охота
Птичий крик по вспугнутым лесам.
Золотая горлинка из грота
Вдруг взвилась, как солнце, к небесам.
По следам сверкнувшего полета
Небо открывалося глазам.

И не лес уже, а в замке зала
Загорелась золотом огней
И весельем свадебного бала,
Топотом наполнилась гостей.
Радостно и звонко прозвучала
Песня, что исполнил Соловей.

И проходят тысячи детишек
В золотых красивых башмачках.
И Щелкунчик в свите белых мышек
Королевин шлейф пронес в руках.
Месяц подымается все выше,
Бледно золотеет в облаках.

Печь горит. А бабушка замолкла.
Желтый лучик ползает в руках.
Тлеют угли медленно и долго,
Синий пламень бродит в угольках.
За окошком бледно и высоко
Месяц золотеет в облачках.

СОЛОВЬИ

Так вспоминают детство и любовь.
Закрыть тетрадь, не написав ни строчки,
Закрыть глаза, и вечером, одной,
Сидеть без света, слушая, забывшись,
В соседнем парке соловьиный цок.

Давно я не слыхала соловьев,
Таких счастливых и таких безумных.
Я не стара еще, жизнь предо мною,
И все-ж я многое уже забыла,
Уже мне есть, что с болью вспоминать,
Уже созревшая под жизнью память
Распознавать привыкла бережливо,
Что можно вспомнить бегло и случайно,

На чем тепло остановиться сердцу,
И от каких глухих воспоминаний
Его заботливо и твердо отстранить.

Но иногда случаются мгновенья, —
Они приходят в сумерки иль ночью,
Когда кончается внезапно суета,
Когда молчит раздвинутое небо,
Когда, ему невольно подражая,
Смолкает беспокойная земля.

Ребенок спит, и легкое дыханье
Я ясно различаю в промежутках,
Когда под поздней рдеющей луною
Дыханья нехватает соловьям.

Плывут, плывут звенящие мгновенья,
Как облака, как лепестки живые,
Оборванные близоруким ветром
И занесенные в глухой ручей.
Плывут, плывут, как легкая любовь.

Нет, не того от жизни я ждала!
А, может, и она во мне ошиблась.
Но все — не то, и с трудным подозреньем
Кругом я замечаю вдруг подмену.
Душа летит, но телу не поспеть
За призрачным, безжизненным полетом.
Глаза за ним, невольный шаг замедлен.
Догнать нельзя. И только в отдаленье
Прекрасный свист, как будто соловьиный,
Безвременный, как первая любовь.

Нет, первая любовь всегда несчастна.
Или не любит он, иль он — не тот.
Любви земной мы учимся подолгу,
И отмечаем, как урок, ошибки,
И их твердим в уме, когда боимся
Свершить неловкий, неудобный шаг.
И вот усильям нужная награда:
Привычная любовь полна покоя,
И мир в душе, и мир в нестаром теле,
Когда-б не пели ночью соловьи!

Жизнь все страннее, туманней и бездомней,
Все медленней, огромнее круги,
Слабеет сердце, замирая ширью,
Неверное теряешь равновесье,
Иль, может, вовсе под ногой нет тверди?
Тебя земля шатаясь предает.

Ночь долгая. Ни грустно и ни трудно
Мне в эту ночь. И только странно жуткой
На бледном проступающем рассвете
Мне показалась неба пустота.
В окно глядится мягкий белый день.
Молочное стоит над садом небо.
Туманный воздух сыр и неподвижен —
За утро пал обильный, теплый дождь.

День зашумел. Свой круг свершает солнце,
И кружится за ним и голова.
И соловьи молчат в росистых ветках,
Прозябшие, больные от любви.

КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ

(С английского)

Палящий зной. Но в комнате прохладно
Из-за заботливо закрытых ставней.
Кружась над солнечным пятном в углу,
С веселым шорохом играют мухи,
И в доброй, сытой, теплой тишине
Послеобеденный разлегся отдых.

Сестра, привычно умостившись в кресле,
Подремывает над своим вязаньем.
Я, как всегда, держу в руках газету —

Защиту от всего — от болтовни,
От мыслей, от усилия, от жизни.
Палящий зной. Но в комнате прохладно.

На лестнице послышались шаги.
Подняв глаза от долгого вязанья,
Сестра прислушалась к стремительной походке
И медленно сказала: — Это Анна. —
Дверь быстро распахнулась, как от ветра,
И Анна показалась на пороге.

Так бабочка внезапно залетает
И, замерев на чашечке цветка,
Покачивается на длинном стебле,
Как будто бы нарочно для того,
Чтоб можно было ею любоваться

В внезапном удивленье. Так на сцену
Вдруг выбегает прима-балерина,
Чтоб странно колдовать и чаровать
Прелестной легкостью своих движений.

Легко войдя и быстро оглядев
Нас, разместившихся в уютных креслах,
Сказала Анна с тихим удивленьем:
— Вы все такие же. Как это странно.
Ведь вы ни в чем ничуть не изменились
С тех пор, как я была здесь в прошлый раз.

В ее глазах, раскрыто удивленных,
Вдруг вспыхнуло живое любопытство:
— Что делаете вы, чтоб не меняться?
Но, впрочем, сами вы тут ни при чем.
Вы просто фаршированные рыбы,
Наполненные чем-то посторонним.
Вы — честные консервы. Как-то раз

Случилось с вами что-нибудь такое,
Что до сих пор в мозгах у вас застряло,
Без толку, без значения, без смысла,
И вы твердите в тихом отупенье:

"А помнишь ли, как в первый год войны
Был урожай невиданный на груши?"
Ручей сверкает тысячами жизней:
Он и ручей, но он и отраженье
Крутого берега, клонящейся травы
И в вышине скользящих облаков.

Скажите, сколько тысяч лет вам?
И вообще когда-либо вы жили?
И хоть одно трепещущее слово,
Осмысленное радостью иль болью,
Срывалось-ли с засохших ваших губ? —

И, не дождавшись нашего ответа —
Нам было как-то нечего сказать
На эту неожиданную резкость —
Она задумалась и, видимо, забыв
О нас, неспешно подошла к окну
И широко его вдруг распахнула.

Смех отлетел с подвижного лица,
И не было ее уж больше с нами.

Мы не сказали ничего, когда
Она, опять к нам тихо повернувшись,
Рассеянно, не видя, поглядела
И, не сказав ни слова больше нам,
Из комнаты неторопливо вышла.

Моя сестра (консервы старых сплетен
И покупания экстравагантных шляп
Плюс длинный нос; язык еще длиннее)
И я (консервы скуки и бесцельной,
Тупой внимательности ко всему),
Мы подошли, как будто сговорясь,
К окну, еще распахнутому настежь,
И молча выглянули за него.

Там было только солнце. Ветер с моря
Играл листвой. По улице пустой
Крутилась пыль. И почему-то вдруг
Теперь я только обратил вниманье
На фантастические красные цветы,
Что яростно цвели среди засохшей клумбы.

ПОД ФЛОРЕНЦИЕЙ

Далеких гор осенние вершины
Встречают утро синих Аппенин,
И облаков жемчужные лавины
Окрасил рдяно утренний рубин.

И зелень мутную осенний сизый иней
Покрыл застывшим тусклым серебром,
И день клубится призрачный и синий,
И пахнет холод сладко и остро.

Спит осень, утомленная менада,
На склоне гор, где мерзнет бузина,
Где тянется вдоль утреннего сада
Простая флорентинская стена.

На рассвете гудела сирена
Сбор для рыбачьих шхун,
И ложилась белая пена
Меж камнями в ласковый шум.

Зацветал мутно-белой улыбкой
Отуманенный край небес.
Туман пеленою зыбкой
Окутал мачтовый лес.

Паруса бессильно понурив,
От блаженно рассветной земли
В темноту еще спящей бури
Плыли кренясь корабли.

НОЧЬ В ВЕНЕЦИИ

Тревожат волны лунные лагуны,
В слепые окна бьет голубизна.
Играя парусом уснувшей шхуны,
Остаток ночи жадно пьет весна.

Угадывая будущего гунна
И метя перекрестки и мосты,
Срываясь вниз из-за перил чугунных,
Скрывался ветер вдаль из темноты.

И облаков седеющие руна
Развеиваются на высотах,
И плавятся разбившиеся луны
На черных неустойчивых волнах.

И, слыша ветра рвущиеся струны,
Глушит ночной прохожий звонкий шаг,
Не видя над собою рог Фортуны,
С карниза счастье сыплющей во мрак.

На воды замутившейся лагуны
Предутренняя льнет голубизна.
Стучат в порту разбуженные шхуны,
Встает морская сонная весна.

РОЖДЕНИЕ МУЗЫКИ

Умела петь, но птицы засмеяли
Нечистый мой и непрозрачный звук.
Они, кружась, над озером летали,
Наведывались на далекий луг.

Обида горькая, и не до смеха было.
В досаде я спустилась к берегам,
Тростинку тонкую склонившися сломила,
Задумалась, и поднесла к губам.

Так звуки новые негаданно родились.
В восторге я не уставала петь,
И птицы прилетевшие дивились,
Уже не смея ближе подлететь.

СКУЛЬПТУРА

С прекрасным упреком навстречу взлетели ресницы
И, дрогнув, в молчанье упали с печалью сиротства.
Приснится виденьем, но даже резец ясновидца
Не смог бы его завещать восхищенью потомства.

И с детской обидой: — Моя улетела голубка! —
Ломая, сжимает свои опустевшие руки.
— Голубка моя улетела! — И сестры — Уступка
И Горечь — склонясь, обнимают покорные плечи
подруги.

ИТАЛЬЯНСКИЕ СОНЕТЫ

I. Посвящение

На догоревший жертвенный костер,
Смывая кровь, сочится влага Леты.
Среди долин, уже не раз воспетых,
Как дым курений — ночь. В ее простор

Опустошенный движет кругозор
Восторг тяжелый сдержанных обетов.
Глухую боль отверженья изведав,
Мечтам не отогнать видений хор.

Сквозь голубые облачные весны
Колчан лучей рассыпан золотой.
И воздуха неслыханная поступь
Над медленно подъятой головой.

Седой луны блуждает призрак пленный.
Душа сгорает в радости мгновенной.

II. Сожжение Саванаролы

Смывая кровь, сочится влага Леты,
В святом молчанье отошли века.
Порой ко мне летит издалека
Размеренность классических сонетов.

К сожженнию, под чернотой беретов,
Бежит толпа, и, чудно глубока,
Столпила ночь косые облака
Над святостью монашеских обетов.

На грозных крыльях флорентинской стаи
Взлетев, легка мятежная душа,
И стережет задумчивость густая
Избыток недоступного ковша.

И площадью зловещего сожженья
Я прохожу неповторимой тенью.

III. *Джиоконда*

Среди долин, уже не раз воспетых,
Седые льды и празелень полей
Перецветают в красках все живей,
И мхом, и льдом благоухает лето.

И суеверней диких амулетов
Бесцветный знак изогнутых бровей.
Цветов миндаля кожа розовей,
А край одежды ало-фиолетов.

Из светлых жал, из дымного топаза,
Глядит, раздвинутый меж жадных век,
Открытый мрак животного экстаза,
И грех, как червь, улыбкой рот рассек.

Но даже голоса созревшей страсти
Не шевельнут скрестившихся запястий.

IV. Гробница

Как дым курений — ночь. В ее простор,
Как души в Стикс, сгоняет ветер поздний
Четы теней от рук, и лоз, и гроздий
И кличет нас из тьмы в лицо, в упор.

В земных небес скудеющий шатер
Уводит жизнь свои цветные весны.
Еще поет в руках пастуший посох,
И первый мрак превозмогает взор.

Нет, никогда здесь не был Иегова!
Душа горит, и скомканный язык
Все силится свое исторгнуть слово,
Но темный мир бестрепетно велик.

И восстает, огромно и нескоро,
Пустынная заря, дивясь своим просторам.

V. Лигурия

Опустошенный движет кругозор
Растущий день, и, размыкая узы
Привычного труда прилежной музы,
Я ухожу куда уводит взор.

Сгибает ветр уклончивый отпор,
Льет русые волокна кукурузы,
И облака, как крупные медузы,
Чуть шевелясь, плывут по волнам гор.

Но не вернется в тишину бездомный
Гонимый Ангел продолжать свой труд,
Дробить каррарские каменоломни,
Прохладе сумрачной ваять приют.

Непонятые дни проходят в небе
В неисчерпаемом великолепье.

VI. В музее

Восторг тяжелый сдержанных обетов,
Паломничества медленный экстаз
В музейной тишине встречает нас
Среди картин и дремлющих портретов.

Голубизною захолустных ветров
В окошке дали приручают глаз.
И вслух фонтана быстрый пересказ
Внизу, в саду, среди глициний где-то.

И в зелени пустующих аллей
Уж ранний вечер гасит мрамор статуй.
А из витрин, в сгущающейся мгле,
В пустые комнаты, сквозь мрак холодноватый,

Усталой тишине глядит в ответ
Языческая радость древних лет.

VII. Дант

L'amor che muove il sol e l'altre stelle.

— Глухую боль отверженья изведав,
Не знай стихов. А после, сняв запрет,
Единый раз воспой Ее, поэт, —
Любовь, что движет солнце и планеты. —

На набережной, из-за парапетов,
Как сердце из груди, от снега сед,
Рвал ветер плащ. И он глядел ей вслед,
Терявшейся средь чуждых силуэтов.

Приветливо ловила Беатриче
Докучной спутницы пустую речь
И юное хранила безразличье,
Не замечая постоянных встреч,

И взоры целомудренно скрывала
За дерзко спущенное покрывало.

VIII. В Венеции

Мечтам не отогнать видений хор
В Венеции. Здесь улочки все те же.
На них в средневековый сумрак прежде
Мадонны белокурой падал взор.

Свидетель давнего в палаццо Дожей двор,
Где прошлое ползет травой из трещин.
Как странно жжет, встречаемый все реже,
Под черным веером печальный взор.

На влажный мрамор пала тень-монах
Под издавна ветшавшей позолотой.
Чуть спотыкаясь в медленных волнах,
Гондола около колышет воды.

Былые образы в опять ожившем чувстве
Возводят жизнь в таинственном искусстве.

IX. *"Весна" Боттичелли*

Сквозь голубые облачные весны
Мне юная запомнилась одна.
Она — как завязь дикого плода,
И первые ее узнали осы.

Босой стопой цветов сминая звезды,
Сама — спустившаяся к нам звезда,
Она зимы порвала невода,
И с ней пришли ее подруги-сестры.

Ветр утренний протяжно дул в меха,
В росе ее нога легко скользила,
Когда она, в одежде василька,
С толпой дриад и нимф в наш лес входила.

И оставляла след, траву клоня,
Ее продолговатая ступня.

X. *Неаполитанский вечер*

Колчан лучей рассыпан золотой
Над выцветшей вечернею долиной.
Колесный резкий скрип и крик ослиный
Скрываются пред близкой темнотой.

Спешит монах, поникнув головой,
Вдоль грубых стен, где пыльные маслины
Встречают мрак. Толпятся козьи спины,
Сбивая шаг над жилистой травой.

Встает туман растущей поволокой.
Неровное дрожанье мандолин
Несется из неосвещенных окон.
Закат ложится в ветре и пыли.

И в сытый солнцем темный воздух сада
Ошеломленные кричат цикады.

XI. Утро на море

И воздуха неслыханная поступь
Кружит следы, взметнув в садах листы.
Прохладный запах мокрой резеды
И грузных волн медлительная осыпь.

О, ранний час, и птице вольный доступ
В морскую даль, в ширь неба и воды!
Движенья крыл ломают с высоты
Соленый и непробужденный воздух.

А солнце словно позабыло счет,
И жжет, и льет обильными лучами.
И сладок одиночества янтарный мед,
И мысли белыми взлетели голубями.

Ловлю пригоршнями — о, несравненный труд! —
Паденье остывающих минут.

XII. Помпея

Над медленно подъятой головой
Июльский зной навис тяжелой крышей.
Помпея спит, и олеандром пышным
Цветет ее оставленный покой.

Здесь непугливых ящериц порой
Услышишь бег в пустой заросшей нише.
Душистый душный ветр взлетает выше,
Посторонясь над рушенной стеной.

В набальзамированной тишине,
В тысячелетнее опустошенье,
Венерин храм почтило — к вышине
Двух бабочек любовное круженье,

Когда, окрасив верхнюю ступень,
К подножию горы ложился день.

XIII. Ночь

Седой луны блуждает призрак пленный.
Немая тень, где жизнь, где плоть твоя?
Нет, смерть свою не пожелаю я,
А встречу как бесчестье, как измену.

И медленная страсть встает надменно
Над одичалой грустью бытия.
О, жизнь моя, ты все-таки моя!
Еще жива, и вижу свет вселенной!

Душа моя, все та же ты. Лети
Над этой жизнью, сладостной и ветхой!
Ведь сердце не устало там, в груди,
Стучаться, как в окно весенней веткой,

И снова возвращает миру свет
Пророзовевший холодом рассвет.

XIV. Прощание

Душа сгорает в радости мгновенной,
Но только у конца ее поймешь.
Мне легкая туманит сердце ложь,
Что я вернусь в твой край благословенный.

И голосом покинутой сирены
Еще не раз меня ты позовешь
И лунной ночью тайно уведешь
За неприглядные ночные стены.

Но в этот час, Италия, прощай!
В последний раз твоим виденьям внемлю.
Душа проходит высью, трепеща,
И тяжко опускается на землю,

Чтоб, райским сном порой пробуждена,
Назвать тебя, блаженная страна!

СОДЕРЖАНИЕ

Эта книга окончена
печатанием в мае 1951 г. в

Imprimerie S.N.I.E.,
32, rue de Ménilmontant,
PARIS.